

MILHIST

INFO

Курбатов О.А. Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века

Статья освещает историю техники безопасности в обращении с огнестрельным оружием на материалах XVII в., на основании архивных документов и мемуарных источников рассказывает о случавшихся в русской армии инцидентах. В приложении публикуются впервые вводимые в научный оборот документы.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov>

Ссылка для печатных изданий:

Курбатов О.А. Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. I. — С. 233-257. < <http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov> > (04.05.2012)

www.milhist.info

2012г.

**ПИСАНО КРОВЬЮ:
К ИСТОРИИ ПРАВИЛ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ПО
ОБРАЩЕНИЮ С ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ В СЕРЕДИНЕ XVII
ВЕКА**

Не скрою, мысль написать эту статью связана с непосредственным участием автора в военно-историческом фестивале «Земля героев»–2011. Впрочем, это лишь повод: никаких обобщающих или даже близких к указанному вопросу работ в отечественной историографии до сих пор не было (в особенности, по периоду XVI–XVII веков), а о зарубежных исследованиях мне, по крайней мере, не известно. Да и приводимые примеры – результат общего знакомства с документами по военной истории Восточной Европы середины XVII века, а не итог какого-либо целенаправленного поиска. Иными словами, это попытка внимательнее рассмотреть и изложить эпизоды, выявленные ранее в ходе других исследований.

Но начнем не с России, а с ближайшего соседа и одного из противников – шведской армии, в которой воинская дисциплина и регламентация службы в середине XVII века была если не образцовой, то, по крайней мере, хорошо развитой. Войны Карла X Густава (1655–1660 гг.) отмечены несколькими скандальными эпизодами нарушения техники безопасности, самый известный из которых кратко описан в дневнике шведского рейтара Патрика Гордона. Произошел он не в начале «Потопа», а уже через год, когда доля новобранцев в королевской армии была невелика. Случай был торжественный: 31 марта 1657 г. трансильванский князь Дьёрдь Ракоци, претендент на польский престол, совместно с Карлом X Густавом принимал парад союзных шведско-трансильванских войск у деревни Мендзибеж на юге Польши. «Князь вместе с королем произвел смотр армии,

построенной единым фронтом на весьма выгодном участке местности. Когда они отъехали от фронта, были даны два залпа, первым из коих граф Вильгельм Адольф фон Нассау был, к великому несчастью, убит перед строем своего полка, но никто не знает, кем именно»¹.

Стрельба, как обычно при торжественных залпах, шла холостыми, но вот кто-то зарядил пулей и не сознался... Это не единственный казус, просто остальные менее известны. Как представляется, апофеозом «контрмер», которые шведские офицеры смогли принять для прекращения случайных убийств в дальнейшем, стала ситуация, которую член голландского посольства Николаас Витсен наблюдал в 1664 году в Риге: «Когда я увидел парад солдат и удивился, почему ни у кого из них нет ружья, мне сказали, что их отняли, чтобы не было баловства на улицах. Эти воины, получая мало денег, часто начинают воровать и грабить»².

Объяснение, которое получил Витсен от рижан, как кажется, не вполне исчерпывающее: оружие можно забирать и вне службы, но выводить солдат без мушкетов на парад – это, скорее, предохранительная мера во избежание случайной гибели старших военачальников перед фрунтом. Существовали и иные способы блокирования стрельбы, на которых остановимся в дальнейшем – при обозрении собственно российского материала.

Уже до начала массового перевооружения пехоты фитильным оружием и перехода к линейной тактике у российских стрельцов существовала норма регулярных учений: согласно наказам стрелецких голов, они должны были учить стрельцов стрельбе «перед собою почаству». При таком порядке вещей к ситуации, когда стрелец плохо владеет ружьем, могло привести лишь пренебрежение своими обязанностями со стороны командиров, которые должны были заставить его регулярно приобретать за свое жалование порох и свинец и ставить на тренировки «перед собой». Однако, тренировки эти должны были носить чисто практический характер, что неизбежно отражалось на церемониальной стороне стрелецких занятий. По словам члена голштинского посольства к царю Михаилу Федоровичу, торжественный залп

при встрече шведского посла на границе при крепости Орешек в 1639 г. выглядел следующим образом: «Стрельцы своими ружьями, составляющими, наравне с саблями, общее оружие их, дали салют, без всякого порядка, кто только смог раньше справиться»³.

Еще хуже получилась встреча собственно голштинцев, то ли со стрельцами, то ли с городовыми казаками: «Только после того как послы дали свой ответ, пристав подал им руку и повел нас сквозь ряды стрельцов (это были двенадцать казаков, стоявших с ружьями наготове) в свою гостиницу. Когда дан был салют из ружей, то это произведено было с такою неосторожностью, что секретарь шведского резидента, стоявший с нами, чтобы глядеть на это торжество, получил большую дыру в своем колете... Посидев с полчаса, мы, при салютах стрельцов, вновь переехали через воду и собрались в дальнейшую поездку»⁴.

В результате чего случилось это происшествие, можно догадаться: по-видимому, русские ратники имели на вооружение самопалы с кремневыми замками «русского», «карельского» или подобного им раннего типа, и у некоторых от долгого употребления могло быть сильно расширено запальное отверстие. По опыту современной реконструкции, стоящий справа от стрелка с таким ружьем обычно рискует получить ожог и контузию. Видимо, сами стрельцы уже знали, что надо побережться, а вот швед, вероятно, не ожидал такого эффекта и неосторожно приблизился на опасную дистанцию. Характерно, что немцы не увидели в происшествии особой трагедии: запись о залпах перемежается известиями об угощении послов, состоящем «из пряников, водки и варенья из свежих вишен», а затем всевозможных вкусных напитков.

Вообще, этот случай не может свидетельствовать о какой-то неопытности новгородских или ладожских стрельцов. Известно, что через семнадцать лет, в начале русско-шведской войны 1656–1658 гг., воеводы ставили их как пехоту на порядок выше солдат местного набора, в особенности новобранцев. Воевода Петр Михайлович Пушкин, который

осаждал в 1656 г. Кексгольм (Корелу), писал царю, что у него на 812 заонежских солдат (набора 1655–1656 гг.) приходится всего 170 стрельцов, «и те у меня, холопа твоего, новгородские стрельцы под городом Корелою ... во всяких посылках лутчие люди»⁵. Лишь позже, когда бедственный поход 1659–1661 гг. опустошил ряды обоих стрелецких приказов, а их число было удвоено, ситуация резко ухудшилась. Новоприборных стрельцов, вооружение которых с 1656 г. состояло уже из импортных фитильных мушкетов, срочно стали обучать находящиеся в Новгороде «за полками» солдатские иноземные офицеры.

В России уже в Смоленскую войну уяснили главную суть массовых регулярных армий, – быструю подготовку необученного пополнения, – и нанимали иноземцев в начальные люди в первую очередь как инструкторов, а не командиров полевых подразделений⁶. В связи с этим, был принят в качестве норматива специальный экзамен, который сдавали все без исключения офицеры-иноземцы, несмотря на наличие у них надежных патентов. Испытание состояло в умении выполнять все стандартные солдатские упражнения с мушкетом и пикой, подробно описанные в русском пехотном уставе 1647 г. Первый пример подобного экзамена – еще в Голландии в 1646 г., где приемом на службу совместно занимались майор Исаак Фанбуковен и будущий глава Иноземского приказа стольник Илья Данилович Милославский. В целом, испытание тогда подтвердило соответствие девятнадцати солдат и нескольких офицеров своему званию, но выявило и недостатки: «Майор Исаак фон-Буковен, капитаны и солдаты пришли на посольский двор к смотру: Филипп Алберт фон-Буковен выходил с мушкетом и с пиками, с капитанскою и солдатскою, стрелял из мушкета и штурмовал пикою и шпагою различные штуки и по досмотру *добр добре*. Вилам Алим по досмотру *добр*, Ефим вахмистр по смотру *умеет*, Яков Рокарт *умеет*, Юрий Гариох по смотру *середний*, и майор фон-Буковен говорил, что Гариоха с капитанской чин не будет: как ему неученых людей солдатской справке выучить и к бою привести? Он и сам ратного строя

ничего не знает. Послы майорovy речи велели записать и ему, майору, к тем речам велели руку приложить».

Но наихудшей оказалась презентация последнего офицера: «Яков Стюарт выходил с мушкетом, штурмовал и стрелял, и застрелил трех человек, толмача Нечая Дрябина да двух солдат немцев, у Нечая да у немчина испортил по руке, да на всех на них прожег платье, за пику солдатскую приняться и штурмовать не умел и по смотру *худ добре*, а майор фон-Буковен говорил, что Гариох в капитаны, а Стюарт и в солдаты не годится»⁷.

Впрочем, несмотря на строгий приговор, все участники того первого испытания были приняты на службу и отбыли в Москву. Не только двое Фанбуковенов (Исаак и его сын Филипп Альберт), Яков Ронорт и Вилим Алем – даже проштрафившиеся Гариох и Стюарт были приняты на службу в офицерских чинах: видимо, в 1646 г. их оценили за самую готовность выехать в Россию.

«Строение полков», которым занимались иноземцы в России, включало в себя постоянные консультации руководства Иноземским приказом и командования по всевозможным вопросам организации, вооружения, обучения, церемониала и прочих норм, принятых в европейских армиях – прежних местах службы этих офицеров. Одним из наиболее «плодовитых» в плане подобных справок начальных людей в 1654 г. был полковник Антоний Грановский – француз Жан де Грон, перешедший в православие и за это особо приближенный к Государю. Перед Смоленским походом 1654 г. он активно привлекался для консультаций по вопросам устройства инженерно-артиллерийского парка осадной армии и лично возглавил новоприборный полк драгунского строя, который предназначался для прикрытия царского «стенобитного наряда».

Полк был составлен из городских казаков и их поспевших в службу родственников из многочисленных крепостей юга Рязанской земли, причем собран и вооружен едва за месяц до выступления в поход. Для драгун

европейских армий и, особенно, для прикрытия артиллерийского парка в середине XVII в. были приняты ружья с французскими батарейными замками, поскольку приближаться к пороховым запасам с тлеющим фитилем, необходимым для стрельбы из мушкета, было смертельно опасно. Несомненно, большинство драгун Грановского увидели такое оружие впервые в жизни, – как правило, на вооружении городских казаков состояли самопалы с ударно-кремневыми замками ранних типов, – и для совершенствования в обращении с ним требовалось немало времени и усилий. То ли по этой причине, то ли просто по традиции одной из европейских армий, полковник принял необычные меры для предотвращения случайных выстрелов во время торжественного прохождения своих драгун через Кремль 17 мая 1654 г. (полк, кстати, открывал шествие). «Войско шло через Кремль; у Кремлевских ворот, называемых Башнею, устроен был помост о десяти ступенях, покрытый красным сукном; таким же образом устроен был у Водяных ворот, близ реки Москвы, другой помост, на котором стояло высшее духовенство в облачении, с образами, кадильницами и святою водою. Парад этот открыт был перекрещенным в чужую веру Жаном де Греоном, с одним полком драгун, в тысячу простых необученных еще людей, у которых были мушкеты без шомполов и кремней»⁸.

Пройдя торжественным маршем, драгуны Грановского еще десять дней оставались в Москве и двинулись в поход только с обозами главной армии. Не исключено, что строгости со снятием кремней и шомполов продолжались у них и далее, поскольку роты полка занимались охраной и сопровождением «главного калибра» осадной армии и пороховых запасов к нему⁹. Кстати, прочие полки и приказы, вооруженные фитильными мушкетами, шли даже на параде в обычном боевом снаряжении – только не зажигая фитили. Видимо, Грановский здесь проявлял собственную инициативу, а не выполнял специальное требование русского командования.

Осада Смоленска, в которой участвовал сам Государь, сопровождалась особым режимом безопасности с огнестрельным оружием. Здесь уместно

напомнить, что в мирное время частным лицам (не караулу) в виду царских столичных и подмосковных резиденций под страхом смертной казни запрещалось появляться с любым видом огнестрельного оружия¹⁰. Однако на войне подобное было невозможно, и под Смоленском была запрещена лишь беспорядочная стрельба, производимая под предлогом чистки ружья или просто из засады по противнику («подход под литовских людей»). Мотивировалось это нежелательностью «подавать ясак¹¹ литовским людям» – то есть, как-то выдавать расположение полков, их численность и т. п. Стрельба в целях чистки оружия разрешалась только в полдень за станом, с ведома командиров подразделений (полковников, голов у стрельцов и у сотен). Такое же распоряжение немедленно распространялось в виде «памятей» среди новых полков, постепенно прибывавших под стены крепости – например, в Сторожевом полку боярина князя М. М. Темкина-Ростовского (12 июля 1654 г.):

«Лета 7162-го июля в 12 день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по приказу бояр и воевод князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского с товарищи память полковникам и головам.

Учинить им заказ крепкой в своих полках и в сотнях, чтоб всякие ратные люди по вечерам и по ночам и по утрам отнюдь не стреляли и ясака литовским людям тою стрельбою не подавали. А будет у кого ружье запатеет, и они б для вычистки стреляли в полдни с ведома полковников и голов. А подход под литовских людей для ясаку и в полдни не стреляли.

А хто учнет стрелять не в указное время, и тех людей полковникам и головам, имая, приводить к бояром и воиводам, и за ту стрельбу будет им наказание без пощады»¹².

Однако, подобные строгости соблюдались далеко не во всей русской армии, ярким показателем чего является следственное дело о случайном ранении солдата Никифора Селиверстова в «приказном столбце» полка воеводы Василия Бутурлина. Происшествие имело место в мае уже

следующего, 1655 г., когда «боярин и дворецкий» ехал под Белую Церковь сменить на посту прежнего командующего царской армией на Украине В.Б. Шереметева. Сопровождали Бутурлина рейтары «шестой тысячи» полковника Дениса Фонвизина, новоприборные солдаты Томаса Крафтерта (в т. ч. из детей боярских Мценска) и несколько дворянских сотен. 21 мая, на стане при реке Семь, ротмистр Григорий Неелов привел к разрядному шатру рейтара своей роты мецнянина Тимофея Сухорукова, который сознался в убийстве своего знакомца-солдата, также мценского сына боярского. Согласно показаниям свидетелей, сам Тимофей, его родственник солдат Семен Сухоруков, племянник Никифора рейтар Харлам Селиверстов и литавщик Яков Васильев «сидели ... вместе и чистили пистолы. И в ту пору пришел к ним обедать мецнянин ж салдат Микифор Селиверстов. И он де, Тимофей Сухорукой, вычистя свою пистоль и переправя колчадан, хотел отведать огню и взвел курок и опустил. И грешною мерою тот пистоль розродился и того салдата Никифора Селиверстова убил в брюхо против живота ненарочным делом».

Из объяснений самого Тимофея замечательна подробность, что «та де пистоль была у него зарезена еще дома. И вычистя ту пистоль, колчадан ввернул и взвел курок и опустил». Из следственного дела можно вывести две версии несчастья: либо, спуская курок, рейтар не опасался выстрела, поскольку не насыпал пороху на полку (так, видимо, объясняли очевидцы происшествия); либо же он просто забыл или не заметил («не розсмотрел»), что пистолет уже заряжен (эта версия приведена в боярском приговоре). Был ли Тимофей настолько увлечен своим занятием, что не заметил прихода гостя, либо же в шутку направил оружие на солдата, неизвестно. Но если учесть, что все фигуранты дела были, скорее всего, моложе 20 лет, – именно из таких «новиков» набирали рейтарские и солдатские полки формирования 1653–1655 гг., – возможность такой опасной «забавы» вполне реальна.

Самого «боярина и дворецкого», как и дьяка Вонифатьева, больше всего волновала возможность «недружбы» убийцы и убитого: при следствии

они даже попытались допросить священника – духовника Никифора, – правда безуспешно. Убедившись в случайности происшествия, воеводы приняли решительные меры к предотвращению подобного в дальнейшем. В первую очередь, в качестве наглядного примера «ненарочный убойца» был публично бит кнутом – «чтоб на то смотря, иным впредь неповадно было пистолы, не розсмотря, заправленных чистить и в таборех стрелять». Затем была разработана особая «память» полковникам и головам, где определялся порядок и основные правила при чистке огнестрельного оружия на походе. При этом воеводы вполне могли взять за основу правила, принятые на царском стане под Смоленском – между текстами есть некоторая перекличка.

Основные принципы были таковы: 1) на стане оружие чистить бережно и исключительно в незаряженном виде («незаправленным»); 2) в таборах не стрелять; 3) за таборами стрелять для очистки оружия только после доклада воеводе. Нарушителей этих правил предписывалось брать под стражу и доставлять к воеводе, причем обещалось им «быть в жестоком наказании». «Памяти» с таким приказом были разосланы по полкам и сотням 28 мая и 1 июня 1655 г. Командование расположенным на Украине войском В. В. Бутурлин принял только через месяц и, вполне возможно, распространил установленные правила на тамошние полки – если только они не были приняты воеводой Шереметевым ранее. Тем не менее, строгий запрет не стал святой заповедью для ратных людей, и нарушение его последовало все в том же рейтарском полку Дениса Фонвизина.

7 августа 1655 г., когда армия Бутурлина и черкасы Хмельницкого осаждали Каменец-Подольский, орловский сын боярский рейтарского строя Мартын Шеталов «грехом своим пострелил ... ненарошна арленина ж ройтарскова строю, кошеедца своево Клемена Анисимова сына Сезенова». Вместо следственного дела в приказном столбце отложилась лишь челобитная Мартына об отпуске его на поруки и «поручная запись» по нем со стороны товарищей, так что подробности происшествия неизвестны. Можно лишь понять, что пострадавший (рейтар Сезенов) на сей раз остался

жив (по крайней мере, к 19–20 августа), что и предопределило положительный исход дела по челобитной. Однако в целом, наказание за нарушение уже установленного порядка выглядит строже, чем в случае с Никифором Селиверстовым: преступника в день происшествия посадили «за пристава в железа» и держали почти без пропитания 12 дней, пока накануне выступления в поход на Львов он не взмолился о выдаче на поруки. По древнему русскому обычаю, поручители обязались «ставить» преступника «перед воеводой» каждый день, а по окончании похода гарантировали выплату им пени (штрафа) в пользу пострадавшего «кошеедца».

На описании похода 1655 г. автор вынужден завершить свой обзор, поскольку в документах позднейшего периода близкие по тематике эпизоды не были отмечены. Но делать из этого какие-либо статистические выводы преждевременно: внутреннее судебное делопроизводство воеводских полков («приказные столбцы») после 1655 г. мне изучать до сих пор не приходилось. Впрочем, немало ценного содержится и в уже опубликованных источниках.

В феврале 1664 г. на Девичьем поле под Москвой был проведен грандиозный смотр войск с использованием залповой пальбы. Смотр интересен несколькими моментами. Во-первых, порядок смотра и стрельбы. Солдатские полки побатальонно и приказы стрельцов были выстроены уступами, за сомкнутыми рогатками («надолбами»), возможно, друг против друга. После парада конных сотен по сигналу «с поля с обеих сторон начала наступать пехота во ополчении, а перед собою несли надолбы, и стали ближ дороги». На этом «примерная атака» закончилась, все повернулись в сторону пустырей – пустынного берега Москва-реки и Земляного города – и начали стрельбу: сначала пушки, а затем каждый приказ и батальон поочередно. И так четыре раза¹³. Из всех полков при стрельбе особенно отличился солдатский полк генерал-майора Данилы Крафферта: «Затем полкам было приказано открыть огонь, что они и исполнили поочередно, хотя очень нестройно, начиная с ближайших от города, а после — Стремянной и выборные полки, стоявшие справа от нас. Когда все закончили, мы сперва

выстрелили из своих шести орудий, потом из мелкого ружья, каждый эскадрон отдельно и все словно единым выстрелом; во второй и в третий раз — так же. Сие настолько понравилось Его Величеству, что он приказал нам дать еще один залп, и мы сделали это весьма успешно»¹⁴.

Как видим, большинство полков, даже будучи вооружены фитильными мушкетами, не готовы к церемониалу и стреляют по-боевому — «очень нестройно» (не единовременным залпом). Однако майор Патрик Гордон и прочие офицеры, получив пополнение в 1200 солдат, в течение пяти дней с утра и до ночи готовили его именно к смотру, и им удалось добиться желаемого эффекта — залпа «словно единым выстрелом». Здесь, пожалуй, пример того порядка стрельбы, который в начале XVIII в. вызовет резкую критику со стороны публициста Посошкова¹⁵ — стрельбы красивой, но бесцельной, а значит, бесполезной.

Таким образом, в отличие от рижских обывателей, царь со своим двором не опасается случайных выстрелов, а возможные эксцессы сведены на нет усиленными предварительными тренировками, запретом на стрельбу при примерной атаке и разумным расположением батальонов для торжественных залпов — в сторону пустырей. Следует отметить, что эта грозная и красивая демонстрация мощи по уровню техники безопасности несравненно выше «потешных игр» молодого царя Петра Алексеевича, апофеозом которых послужили Кожуховские походы 1694 г. Сам царственный «бомбардир» с гордостью отмечал в "Журнале" этой кампании, что было много пострадавших и даже несколько убитых, что его лично, видно, несколько не смущало. Между строк обстоятельного описания так и читается, что уберечь себя и условного противника от несчастья старались большей частью сами рядовые участники «боев», да и решение главнокомандующего «неприятельской» стороны Бутурлина поспешно капитулировать могло быть связано с желанием прекратить этот затянувшийся опасный «праздник».

С другой стороны, Петр нарочно многие годы собирал в противостоящие войска давних антагонистов – «потешных» и выборных солдат в свою команду, а Стремянной и другие лучшие стрелецкие полки – в армию противника. По мнению кн. Б.А. Куракина, замысел разделить этих ратных людей таким образом со временем вполне удался: «И так чрез те екзерции положена была вражда между теми полками, а особливо между солдат и стрельцами, что не могли друг друга не ненавидеть и непрестанно между ними драки бывали на всех сходбищах»¹⁶. Вообще, всю технику безопасности Кожуховских маневров военачальники полагали только «в добром порядке» воюющих частей, и нет ничего удивительного в ужасающем итоге многодневной «войны» «на коломенских лугах»: «Во все время хотя доброй порядок был учинен, однакож с обеих сторон убито с 24 персоны пыжами и иными случаи, и ранены с пятьдесят»¹⁷.

Подробное исследование Кожуховских и подобных им «потех» царя Петра может быть полезно, пожалуй, как наиболее яркий пример пренебрежения всеми правилами техники безопасности, вызванного вовсе не отсутствием квалификации у рядовых и начальных людей московского гарнизона, а культурно-нравственными качествами молодого самодержца и его ближайшего окружения¹⁸.

Особый вопрос, достойный хотя бы беглого обзора, – это безопасность при обращении с ручными гранатами («гренадами»), чье массовое производство в России, в основном для осадных работ, отмечается уже в 1654 г. В руках малоопытных бойцов этот вид оружия представлял больше опасности для своих, чем для противника, что видно из описания первой ночной вылазки под Чигирином, проведенной П. Городоном в ночь на 10 июля 1678 г.: «Я ... приказал четырем сотням людей из моих региментов с подобающим числом офицеров готовиться к вылазке. Выйдя в прикрытый путь, дабы посмотреть, что делает неприятель, я увидел, что те придвинулись гораздо ближе ...

Когда все выступили и стояли наготове в прикрытом пути, ожидая лишь прибытия ахтырского полковника с его казачьим полком, от случайного взрыва одной из ручных гранат солдаты так всполошились, что побросали оружие, стремглав побежали и, подобно потоку увлекая с собой офицеров, все посыпались в ров. Но их заставили прийти в себя, снова согнали в прикрытый путь, за полчаса успокоили и дали необходимые в таких случаях приказы. По данному сигналу они пошли на вылазку, хотя и весьма вяло, так что мы были принуждены гнать и выталкивать их из прикрытого пути. Однако офицеры с теми, кого могли собрать (их было очень мало), побившись около получаса с турками, отбросили их от одного места к прежним траншеям и отошли. На этой вылазке у нас было 5 убитых и 28 раненых, причем кое-кто, полагаю, пострадал от собственного оружия при падении в ров»¹⁹.

В дальнейшем обмен гранатами стал одним из самых обычных явлений жаркой обороны чигиринской крепости, и метателями их Гордон чаще всего называет рядовых солдат. При отражении турецкого штурма 30 июля 1678 г., после второго подрыва подземной мины, произошло еще одно несчастье: «Примерно в то же время один из наших гренадеров решил выпустить по туркам, кои яростно штурмовали брешь, 3-пудовую гранату, [но] она упала совсем рядом со мною, среди наших людей, причем 4 были убиты и 8 ранены. Турки также причиняли нам большой урон своими тяжелыми и ручными гранатами, с избытком метая оные в брешь и замок ... Жаркое дело продолжалось 4 часа, в течение коих мы с равным упорством трудились и сражались. 47 из наших были убиты и свыше 80 ранены. Я тоже получил три раны от гранат в правую ногу»²⁰.

Как представляется, столь широкое использование ручных гранат плохо подготовленными для этого стрельцами и драгунами было вынужденной мерой осадного времени. По более ранним известиям 1660-х гг., занимались их метанием, как правило, начальные люди солдатских полков – в первую очередь те, что могли их квалифицированно «снаряжать»

(начинать порохом, фитилем и всем необходимым). Такие специалисты, помимо обычного чина, имели звание «гранатного дела капитан» или «мастер»²¹. Это правило позволяло снижать риск произвольного взрыва среди своих солдат в ходе боевых действий.

Другим выходом, но уже гораздо позже, стало создание подразделений, специально подготовленных для метания гранат – отрядов «гренадеров» или «гранатчиков». Первым такой отряд – гренадерскую роту – учредил сам Патрик Гордон в 1694 г. в своем Втором московском выборном (Бутырском) полку солдатского строя. Образцом для ее формирования могли послужить гренадерские роты при полках английского короля Джеймса II, чьи учения Гордон наблюдал 27 апреля 1686 г., будучи с дипломатическим визитом при королевском дворе: «Король обозрел строящиеся корабли, а затем наблюдал за учением 5 рот регимента полковника Керка, причем ведущий учение подполковник сидел верхом, король же со всею свитой стояли; король недосчитался шестерых из гренадерской роты, за что подполковник оправдывался»²².

В то же время, и собственный богатейший боевой опыт, а в особенности, опыт обороны Чигирина, не мог не убедить Гордона в полезности этого предприятия. Итак, в марте 1689 г. в своем меморандуме, набросанном для совещания командования накануне Второго крымского похода, он записал следующие предложения:

«14. Иметь при каждом полку роту обученных гренадеров, кои могут метать ручные гранаты; они должны быть из самых ловких людей и солдат. (...)

16. Испытать, можно ли стрелять ручными гранатами из дробовиков или “головорезов»²³.

Впрочем, нельзя пока уверенно утверждать, что бутырская рота 1694 г. была действительно первым подразделением подобного рода в русской армии: не исключено, что и ранее в отдельных полках солдат могли специально обучать метанию гранат, особенно в таких

«специализированных», как у генерал-поручика Николая Бовмана, который ведался Пушкарским приказом и приказом Тайных дел и где множество офицеров были знакомы с «гранатным делом» (1658 – начало 1670-х гг.); есть известия о вооружении гранатами и рядовых московских стрелецких полков.

Итак, подведем итоги. Техника безопасности по обращению с огнестрельным оружием имеет две основные составляющие: безопасность при ежедневном уходе за оружием в походных условиях и снижение риска случайных ранений во время торжественных церемоний – парадов, смотров, учений, салютов. При составлении инструкций по технике безопасности учитывался как зарубежный опыт (например в случае с Грановским), так и собственные богатые наработки. Нарушители установленного порядка приравнивались к преступникам, которым грозило жестокое наказание. Но главными условиями, резко снижающими опасность несчастных случаев, являлись высокий уровень обученности личного состава и деятельная забота о соблюдении техники безопасности со стороны всех начальных людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

1654 г., июля 12. – Память бояр и воевод кн. М.М. Темкина-Ростовского с товарищи полковникам и головам Сторожевого полка с определением порядка стрельбы для ухода за оружием и обязательной явки всех найденных вещей, оружия и лошадей

Лета 7162-го июля в 12 день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по приказу бояр и воевод князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского с товарищи память¹ полковникам и головам.

Учинить² им заказ крепкой в своих полках и в сотнях, чтоб всякие ратные люди по вечерам и по ночам и по утрам отнюдь не стреляли и ясака³ литовским людям тою стрельбою не подавали. А будет у кого ружье запатеет, и они б для вычистки стреляли в полдни с ведома полковников и голов. А подшод под литовских людей для ясаку и в полдни не стреляли.

А хто учнет стрелять не в указное время, и тех людей⁴ полковникам и головам, имая, приводить к бояром и воиводам, и за ту стрельбу будет им наказание без пощады.

Да и о том им учинить заказ крепкой, хто⁵ в полках ратных людей⁵ лошади поимает⁶ ⁵или ружья или платья или иное что найдет⁵ и те б люди лошади⁷ и найденое приводили и приносили к записке, а без записки б у себя отнюдь не держали. А хто учнет без записки у себя держать, и тех людей, имая⁸, приводить к бояром и воиводам⁵ потому ж⁵ к наказанью. А будет у кого⁵ находное⁵ вдругоряд или краденое что объявитца, и тем людям быть казненым.

А будет полковники и головы заказ⁵ о том⁵ не учинят, и за такие воровства, имая, приводити к наказанью не учнут, и за то им [окончание текста отсутствует. – О.К.].

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 592.

Примечания: ¹Слово вписано над строкой. ²Перед словом «Учинить» зачеркнуто: «заказати им». ³Далее зачеркнуто: «полск». ⁴Далее зачеркнуто: «имая». ⁵⁻⁵ Слова вписаны над строкой. ⁶Далее зачеркнуто: «или иное хто что подымет». ⁷Далее зачеркнуто: «и чт». ⁸Далее зачеркнуто: «потому ж»

№ 2

1655 г., мая 21–27. – Судное дело Разрядного шатра боярина В.В. Бутурлина о случайном убийстве солдата Н.О. Селиверстова рейтаром Т.С. Сухоруковым

/Л. 76/ 163-го мая в 21 день на стану у реки Семи в розрядной шатер перед боярина и дворецкого и воевод перед Василья Васильевича Бутурлина с товарищи привел райтарского строю ротмистр Григорей Михайлов сын Неелов своей роты мецнянина райтара Тимофея Степанова сына Сухорукова, а сказал, что он, Тимофей, мецненина ж салдата Микифора Онофреева сына Селиверстова застрелил ис пистолы в брюхо против живота, а к нему, де, Григорью привели того Тимофея райтары, которые стояли у государева знамяни на карауле.

И того ж числа боярин и дворецкой и воеводы Василей Васильевич Бутурлин с товарищи приказали того убойца Тимофея Сухорукова про стрельбу и про убойство Никифора Селиверстова распросить.

И убойца Тимофей Сухоруково перед боярином и дворецким и воеводами перед Васильем Васильевичем Бутурлиным с товарищи про стрельбу и про убойство Никифора Селиверстова в роспросе сказал:

Маия де в 21 день чистил он, Тимофей, свой пистоль, а та де пистоль была у него зарежена еще дома. И вычистя ту пистоль, колчадан ввернул и взвел курок и опустил. И грешною мерою /Л. 77/ тот пистоль разродился и застрелил салдата мецнянина сына боярского Никифора Селиверстова в брюхо против живота ненарочным делом и не умышленьем. А пришел было

он, Микифор, к нему, Тимофею, по знакомству обедать – да и племянник де ево, Никифоров, стоит с ним ж, Тимофеем, Харлам Селиверстов, и он, де, для того было к ним и пришол обедать. А как того Никифора он, Тимофей, застрелил, и в то число тут были райтары мецняня ж, Харлам Селиверстов, да литаврщик Яков Васильев, да салдат Семен Борисов сын Сухорукова.

И мая ж в 21 день райтарского строю той же роты райтаренин Харлам Шумилин сын Селиверстов, да литаврщик Яков Васильив, да салдат Семен Сухорукой про убивство Никифора Селиверстова сказали:

Сидели де они с райтаренином с Тимофеем Степановым сыном Сухоруковым вместе и чистили пистолы. И в ту пору пришол к ним обедать мецнянин ж салдат Микифор Селиверстов. И он де, Тимофей Сухорукой, вычистя свою пистоль и переправя колчадан, хотел отведать огню и взвел курок и опустил. И грешною мерою тот пистоль розродился и того салдата Никифора Селивер /Л. 78/ стова убил в брюхо против живота ненарочным делом.

И боярин и дворецкой и воевода Василей Васильевич Бутурлин приказал диоку Ивану Внифантьеву на салдате на Микифоре Селиверстове раны осмотреть и про стрельбу распросить, каим обычаем он, Микифор, застрелен и недружбы у нево, Микифора, с тем Тимофеем преж сего не было ль.

А постреленой салдат Микифор Селиверстов сказал: позвали де ево райтарского строю мецняня Тимофей Степанов сын Сухорукой да племянник ево Харлам Шумилин сын Селиверстов к себе обедать, и как де он пришол, а тот Тимофей Сухорукой чистит пистоль. И ис той пистолы ево застрелил ненарочным делом, а недружбы у них преж сего никакие не бывало./Л. 79/

А по осмотру дьяка Ивана Внифантьева тот Микифор пострелен ис пистолы в брюхо против живота навывлет.

И того ж числа постреленой салдат Микифор Селиверстов от ран умер.

И постреленого салдата Микифора Селиверстова отец духовной священник Феодот распрашиван¹ про убивство салдата Микифора

Селиверстова, какими мерами он, Микифор, убит, и что он про свое убийство сказал, и по допросу священник Феодот сказал: как де он иво, Микифора, исповедывал, и в то де время он, Никифор, лежал бес памяти и ответу де никакова в то время он не дал. А про убийство иво, Микифора, он спрашиван, какими мерами он убит. И он де, Микифор, сказал ему, что не знает ничего, а после де он, Микифор, и говорил – только де ему, священнику Феодору, в то время у него, Микифора, быть не случилось.

/Л. 80/ 163-го мая в 27 день написан боярской приговор.

И мая в 26 день боярин и дворецкой и воеводы Василей Васильевич Бутурлин с товарищи сего дела слушали и приговорили райтаренина мецнянина сына боярского Тимофея Сухорукова бить кнутом за то:

Чистил он, Тимофей, пистоль, не розсмотря, а тот иво пистоль заправлен. И он, Тимофей, вычистя пистоль, и взвел курок на людей, а не на сторону, и тем своим небреженьем ис того пистоля застрелил мценского салдата Никифора Селиверстова до смерти в таборех. Да и сам он, Тимофей, в роспросе своем сказал, что у него тот пистоль был заправлен. И ему было того пистоля в таборех не отведывать, чтоб на то смотря, иным впредь² неповадно было пистоли, не розсмотря, заправленных чистить и в таборех стрелять. А мочно было с тем пистолем для стрельбы выттить ис табор вон и выстрелить с великим береженьем, доложась боярина и дворецкого и воивод Василья Васильевича Бутурлина с товарищи, и о том приказали всем³ в таборех заказ крепкой учинить, чтоб государевы всякие ратные люди в таборех карабины и пистоли чистили с великим береженьем и с розсмотреньем, и в таборех отнюдь бы не стреляли, и за таборами без указу не стреляли ж. А будет хто станет впредь в таборех, и за таборами б (стре) лять, и тем людям быть в жестоком наказанье без пощады.

Послать тотчас к полковникам и к головам.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 76–80.

Примечания: ¹ Слово исправлено из «допрашиван». ² Далее приписано на полях «иным». ³ Слово приписано сверху.

На обороте лл. 76 – 79 скрепа: Диок Иван Внифан(тьев).

На обороте листа 79 и частью внизу листа рукоприкладство: «К сей сказке поп Феодот руку прило / жил».

№ 3

1655 г., мая 28. – Память рейтарскому полковнику Д. Д. Фонвизину с определением порядка ухода за огнестрельным оружием на походе

/Л. 82/ Лета 7163-го мая в 28 день¹ по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца указу и по приказу боярина и дворецкого и воивод Василья Васильевича Бутурлина с товарищи память райтарского строю полковнику Денису Денисьевичю Фанвисину.

Твоего полку райтары иноземцы и городовые чистят карабины и пистолы без бережения и не разсмотря, заправленные, и чистя, курак взводят на людей и отпускают, и в таборех стреляют, и от того их небреженья в полках чинятца от их стрельбы смертные убойства.

И по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца указу боярин и дворецкой и воиводы Василей Васильевич Бутурлин с товарищи приказали о том в полку заказ крепкой учинить, чтобы в полку государевы всякие ратные люди в таборех карабины и пистолы чистили с великим береженьем неоплошно, и чистя ис корабинов и ис пистолей в таборех отнюдь бы не стреляли, и за таборами без указу не стреляли ж.

А хто впредь учнет в таборех корабины и пистолы чистить, не рассматривая, и чистя в таборех и за таборами стрелять, и тем людям быть в жестоком наказанье.

И по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца указу райтарского строю полковнику Денису Денисьевичю Фанвисину велети ему приказать накрепко, чтоб райтары в таборех карабины и пистолы чистили с великим береженьем и с

розсмотреньем неоплошно незаправленные, и чистя, в таборех отнюдь бы не стреляли, и за таборами, не доложя боярина и дворецкого и воивод Василья Васильевича Бутурлина с товарищи впредь не стреляли. А будет хто в таборех и за таборами учнет стрелять без указу, и тебе тех людей велеть имать, и доложя боярина и дворецкого и воивод Василья Васильевича с товарищи, учинить им наказанье.

/Л. 82 об./ Таковы памяти пешаго полку к Томосу Краферту отдана порутчику Якову Кульневу, к Денису Фанвисину послана с путивльским нарядчиком маия 28 числом.

А к сотенным ко всем головам июня 1 числом.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 82–82 об.

Примечание: ¹ Далее зачеркнуто: «июня в 1 день».

№ 4

1655 г., августа 19. – Челобитная рейтара М.Е. Шеталова, взятого «за пристава» за случайное ранение рейтара К.А. Сезенова, с просьбой об освобождении «на поруки»

/Л. 228/ Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой арленин ройтарскова строю Мартинка Евсеев сын Шеталов.

В нынешнем, Государь, во 163-м году августа в 7 день грехом своим пострелил я, холоп тво(й)²⁴, ненарошна арленина ж ройтарскова строю, кошеедца своево Клемена Анисимова сына Сезенова. И в том деле сиюю я, холоп твой, за приставом в железах, помираю голодную смертью, а указу мне, холопу твоему по се число никокова нет.

Милосердый Государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своево, на поруки, чтоб мне, холопу твоему, сидечи в железах за приставом, вконец не погибнуть и голодную смертью не умереть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

/Л. 228 об./ Доправить.

163-го августа в 19 день дать на поруку, запись встать до государева указу, будет тот жив, кого он пострелил.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 228–228 об.

№ 5

1655 г., августа 20. – Поручная запись по рейтару М. Е. Шеталову

/Л. 229/ Се яз, Кондратей Иванов сын Кривцов,

Да яз, Савва Мотвеев сын Матвеев,

Да яз, Богдан Яковлев сын Роспопов,

Да яз, Кондратей Степанов сын Костамаров,

Да яз, Офонасей Юрьев сын Дакукин,

Да яз, Сем(ен) Торасов сын Збитой,

Да яз, Карп Михайлов сын Пашков,

Да яз, Лукьян Васильев сын Зубатой,

Да яз, Дружина Долматов сын Сухорев,

Да яз, Василей Яковлев сын Лукин,

Да яз, Гордей Дмитриев сын Дутой,

орляне, выручали есми мы у пристава орлянина рейтарского строю Мортина Евсеива сына Шеталова в том, что ставитьца ему за нашею порукою перед бояринам и дворецким и воиводаю перед Васильем Васильевичам Бутурлиным с товарищи по вся дни да государева указу, по челобитью орлянина рейтарского строю Клемена Сезенова, что он, Мортин, иво, Клемена, пострелил ис пистолы ненорошна. А не учнет он, Мортин, за нашею порукою перед бояринам и дворецким и воеводаю перед Васильем Васильевичам Бутурлиным с товарищи по все дни да государева указу ставитца и на нас, на порутчиках, пеня, Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя Росии самодержца, а пени что Государь укажет. А кой у нас порутчик в лицах будет, на том пеня и порука, а на то послуи Клемен Семенов сын Шевлеков. А поручною запись писал

орлянин рейтарского строю Ивашка Докукин лета 7163-го году августа в 20 день.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 229–229 об.

Примечание: На обороте листа 229 рукоприкладство: «К сей поручной записи Павел Цуриков в Тимофеева места Васильева да в Ева места Кривцова, Совельева ме(сто) Мотвеева по их челобитью руку прил(ожил).

К сей поручной Сергей Ярыгин вместе поруччиков Карпа (Пашко)ва, Кондратя Костомарова, Офонася Докукин(а), Восилья Лукина, Семена Збитого, Левонтья Шепелева по их велению руку приложил.

И в Гордея Дутого Дружина Сухорев ручал и руку приложил».

¹ Гордон П. Дневник. 1635–1659. – М., 2000. – С. 115.

² Витсен Н. Путешествие в Московию. – СПб., 1996. – С. 38.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – М., 2003. – С. 32–33.

⁴ Там же. – С. 32.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 17 (Столбцы Безгласного стола). № 83. Л. 6.

⁶ Яркий пример – когда из уже обученных и «прошедших огонь и воду» солдат в 1657–1658 гг. специальные комиссии отобрали наилучших в Московский выборный полк, он поначалу вообще не имел начальных людей, и лишь со временем его роты получили по одному – два офицера исключительно «из русских людей».

⁷ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 10 // Соловьев С.М. Сочинения. – М., 1990. – Кн. V. – С.593.

⁸ Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против польского короля Яна Казимира, 1654 г. (перевод с польского) // Витебская старина. – 1888. – Т. 4. Отд. 2. – С. 348–349.

⁹ Подробнее см.: Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV – XVII веках: Сборник материалов конференций 2002 – 2004 гг. – М., 2006. – С. 316–335; Курбатов А. А., Курбатов О.А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654 – 56 гг. // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 8. – С. 29–34.

¹⁰ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа. – М., 2000. – С. 34.

¹¹ Здесь «ясак» – условный знак, сигнал.

¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 592.

¹³ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656 – 1671. – М., 2006 – С. 337.

¹⁴ Гордон П. Дневник, 1659–1667. – М., 2002. – С. 139.

¹⁵ Посошков И.Т. О ратном поведении (1701 г.) // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. – М., 1951. – С. 245–272.

¹⁶ Архив князя Ф.А. Куракина. – СПб., 1890. – Кн. 1. – С. 66.

¹⁷ Там же. – С. 67.

¹⁸ См. комментарий издателя Михаила Ивановича Семевского к публикации: Кожуховский поход. 1694. (Современное описание) // Военный сборник. – 1860. – Т. 11. – № 1. – С. 49–106.

¹⁹ Гордон П. Дневник 1677–1678. – М., 2005. – С. 58.

²⁰ Там же. – С. 66.

²¹ Во время неудачного ночного штурма Копыси в 1661 г. гранаты с лестницы в город метал лично полковник Николай Фанзален, который перед

этим удачным выстрелом из мортиры зажег двор внутри крепости (Акты Московского государства. – СПб., 1901. – Т. 3. – С. 448, 449).

²² Гордон П. Дневник, 1684–1689. – М., 2009. – С. 106.

²³ Там же. – С. 190. «Головорезы» – разряды легких орудий.

²⁴ Здесь и далее в круглых скобках утраченные в документе части слова, восстановленные по смыслу.